

- [Четыре слова о молитве](#)
 - [Слово I](#)
 - [Слово II](#)
 - [Слово III](#)
 - [Слово IV](#)
-

Четыре слова о молитве

[Слово первое](#) * [Слово второе](#) * [Слово третье](#) * [Слово четвертое](#)

В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы нахожу благовременным предложить вам наставление о молитве, — главном деле храма. Храм есть место молитвы и поприще ее развития. Для нас введение во храм есть введение в дух молитвенный. И сердце благоволит Господь именовать храмом Своим, куда входя умно, предстоим ему, восхождение к Нему возбуждая, как благовонное курение фимиама. Будем же учиться, как сего достигнуть?! Собираясь в храм, конечно, вы молитесь. И здесь совершая молитву, верно, и дома не оставляете ее. Потому излишне было бы говорить вам о нашей обязанности молиться, когда вы молитесь; но никак, думаю, не излишне указать вам два — три правила о том, как совершать молитву, если не в научение, то в напоминание. Дело молитвы есть первое дело в христианской жизни. Если в отношении к обычному порядку дел верно присловие: век живи, век учись; то тем паче оно приложимо к молитве, действие которой не должно иметь перерыва, и степени которой не имеют предела. Припоминаю мудрое обыкновение древних святых отцев, по которому они, приветствуя друг друга при свидании, — не о здоровье и не о чем другом спрашивали, а о молитве, говоря: как идет, или как действуется молитва? Действие молитвы у них было признаком жизни духовной, — и они именовали ее дыханием духа. — Есть дыхание в теле, — живет тело; — прекратится дыхание, — прекращается жизнь. Так и в духе. Есть молитва, — живет дух; нет молитвы, — нет жизни в духе. Не всякое однакож совершение молитвы или молитвословие есть молитва. — Стать пред иконою — дома, или здесь — и класть поклоны — не есть еще молитва, а принадлежность молитвы; читать молитвы на память, или по книжке, или слушать другого читающего их — еще не есть молитва, — а только орудие или способ обнаружения и возбуждения ее. Сама молитва есть возникновение в сердце нашем одного за другим благоговейных чувств к Богу, — чувства самоуничужения, преданности, благодарения, славословия, прощения, усердного припадания, сокрушения, покорности воле Божией и проч. Вся забота наша должна быть о том, чтоб, во время наших молитвословий, сии и подобные им чувства наполняли душу нашу, чтоб, когда язык читает молитвы, или ухо слушает, а тело кладет поклоны, сердце не было пусто, а в нем качественно какое-либо чувство, к Богу устремленное. Когда есть сии чувства, молитвословие наше есть молитва, а когда нет, — оно не есть еще молитва. Кажется, что бы проще и естественнее для нас, как не молитва, или сердца к Богу устремление? А, между тем, оно не у всех и не всегда бывает. Его надо возбудить и возбужденное укрепить, или, что то же, надо воспитать в себе дух молитвенный. Первый к сему способ есть — читательное, или слушательное молитвословие. Совершай, как следует, молитвословие, — и непременно возбудишь и укрепишь восхождение в сердце твоём к Богу, или войдешь в дух молитвенный. В молитвенниках наших помещены молитвы св. отцев — Ефрема Сирианина, Макария Египетского, Василия Великого, Иоанна Златоуста и других великих молитвенников. Будучи исполняемы духом молитвенным, они изложили внушенное сим духом в слове и передали то нам. В молитвах их движется великая сила молитвенная, и кто всем вниманием и усердием приникает в них, тот, в силу закона взаимодействия, непременно вкусит силы молитвенной, по мере сближения настроения своего с содержанием молитвы. Чтоб молитвословие наше сделать нам действительным средством к воспитанию молитвы, надо так совершать его, чтобы и мысль и сердце воспринимали содержание молитв, составляющих его. Укажу для сего три самых простых приема: не приступай к молитвословию без предварительного, хотя краткого, приготовления, — не совершай его кое-как, а со вниманием и чувством, и не тотчас по окончании молитв переходи к обычным занятиям. Пусть молитвословие есть у нас самое обычное дело, но никак нельзя, чтоб оно не требовало

приготовления. Что обычнее чтения или писания для умеющих читать и писать? — между тем, однакож, садясь писать или читать, не вдруг начинаем дело, а медлим несколько пред тем, по крайней мере, столько, чтоб поставить себя в пригодное положение. Тем паче необходимы пред молитвою приготовительные к молитве действия, — особенно тогда, когда предшествовавшее занятие было совсем из другой области, нежели к какой относится молитва. Итак, — приступая к молитвословию, утром или вечером, постой немного, или посиди, или походи, и потрудись в сие время отрезвить мысль, отвлекши ее от всех земных дел и предметов. Затем помысли, кто Тот, к Кому обратишься ты в молитве, и кто ты, имеющий начать теперь сие молитвенное к Нему обращение, — и соответственное тому возбуди в душе настроение самоуничиженного и благоговейным страхом проникнутого предстояния Богу в сердце. В этом все приготовление — благоговейно стать пред Богом, — малое, но немалозначительное. Тут полагается начало молитвы; доброе же начало — половина дела. Так установившись внутренно, стань затем пред иконою и, несколько положив поклонов, — начинай обычное молитвословие: слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! — Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны и проч. Читай неспешно, — во всякое слово вникай, и мысль всякого слова до сердца доводи, сопровождая то поклонами. В этом все дело чтения молитвы, Богу приятного и плодоносного. Вникай во всякое слово и мысль слова до сердца доводи, — иначе — понимай, что читаешь и понятое чувствуй. Других правил не требуется. — Эти два — понимай и чувствуй, исполненные как следует, украшают всякое молитвословие полным достоинством и сообщают ему все плодотворное действие. Читаешь: «очисти ны от всякия скверны», — возчувствуй скверноту свою, возжелай чистоты, и уповательно взыщи ее у Господа. Читаешь: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», — и в душе своей всем прости, и сердцем все всем простившим проси себе у Господа прощения. Читаешь: «да будет воля Твоя», — и в сердце своем совершенно предай Господу участь твою и непрекословную изъяви готовность благодушно встретить все, что Господу угодно будет послать тебе. Если будешь так действовать при всяком стихе молитвы твоей, то у тебя будет надлежащее молитвословие. Чтоб успешнее можно было совершать его таким образом, — вот что сделай: 1) имей молитвенное правило, с благословения духовного отца твоего, — не большое, такое, которое мог бы ты исполнять неспешно, при обычном течении твоих дел; 2) прежде чем молиться, в свободное время вчитывайся в молитвы, входящая в твое правило, пойми полно каждое слово и прочувствуй его, чтоб тебе наперед знать, что при каком слове должно быть у тебя на душе, а еще лучше, если положенные молитвы заучишь на память. Когда сделаешь так, то во время молитвословия легко тебе будет понимать и чувствовать. Останется одно затруднение: мысль летучая все будет отбегать на другие предметы. Тут вот что надо: 3) надо употребить напряжение на сохранение внимания, зная наперед, что мысль отбегать будет. Потом, когда во время молитвы она отбежит, — возврати ее; опять отбежит, — опять возврати; — так всякий раз. Но всякий же раз, что прочтено будет во время отбегания мысли, — и следовательно, без внимания и чувства, — снова прочитывать не забывай; — и хоть бы мысль твоя несколько раз отбегала на одном месте, несколько раз читай его, пока не прочтешь с понятием и чувством. Одолеешь однажды это затруднение, — в другой раз, может быть, оно не повторится, или повторится не в такой силе. — Так надо поступать, когда мысль отбегает и рассеивается. Но может быть и то, что иное слово так сильно подействует на душу, что душе не будет хотеться простираться далее в молитвословии, и хоть язык читает молитвы, а мысль все отбегает назад, к тому месту, которое так подействовало на нее. — В таком случае: 4) остановись, не читай далее; а постой вниманием и чувством на том месте, попитай им душу свою, или теми помышлениями, которые оно будет производить. — И не спеши себя отрывать от сего состояния; — так что, если время не терпит, оставь лучше недоконченным правило, а этого состояния не разоряй. Оно будет осенять тебя,

может быть, и весь день, как Ангел-Хранитель! Такого рода благодатные воздействия на душу во время молитвословия означают, что дух молитвы начинает внедряться, и что, след., сохранение сего состояния есть самое надежное средство к воспитанию и укреплению в нас духа молитвенного. Наконец, кончишь свое молитвословие, — не тотчас переходи к занятиям каким-либо, а тоже, немного хоть постой и подумай, что это тобою совершено и к чему тебя сие обязывает, стараясь, если дано что восчувствовать во время молитвы, сохранить то и после молитвы. Впрочем, если кто точно совершит свое молитвословие, как следует, тот и сам не захочет скоро озабочиваться делами. — Таково уж свойство молитвы! Что предки наши говорили, возвратясь из Царьграда: кто вкусит сладкого, не захочет горького; то сбывается со всяким, хорошо помолившимся во время своего молитвословия. И ведать должно, что вкушение сей сладости молитвы и есть цель молитвословия, — и что если молитвословие воспитывает дух молитвенный, то именно чрез сие вкушение. Если будете исполнять сии немногие правила, то скоро узрите плод труда молитвенного. А кто исполняет их и без сего указания, конечно, уже вкушает сей плод. Всякое молитвословие оставит след молитвы в душе, — непрерывное продолжение его в том же порядке вкоренит ее, а терпение в сем труде привьет и дух молитвенный. Его ж да дарует вам Господь, молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы! Это я указал вам первый, начальный способ воспитания духа молитвенного, — т.е., сообразное со своим назначением совершение молитвословия, — дома утром и вечером и здесь в храме. Но это — не все еще. Другой способ, если Бог поможет, укажу завтра. Аминь. 21 ноября 1864 г.

Вчера я показал вам один способ воспитания в себе духа молитвенного, именно: сообразное со своим назначением совершение наших молитвословий. Но здесь полагается только начало науке молитвенной, надо идти далее. Припомните, как учатся, напр., языкам. Сначала заучивают слова и обороты речи по книгам. Но на этом одном не останавливаются, а стараются помощью его доходить, и действительно доходят до того, что сами, без пособия заученного, ведут правильно долгую речь на изучаемом языке. Так надо поступать и в деле молитвы. Навыкаем мы молиться по молитвенникам, — молясь посредством готовых молитв, переданных нам Господом и святыми отцами, преуспевшими в молитве. Но на этом одном останавливаться не должно; надо далее простираться и, навыкнувши умом и сердцем обращаться к Богу с стороннею помощью, надо делать опыты возношения к Нему — и своего собственного, доходить до того, чтоб душа сама своею, так сказать, речью вступала в молитвенную беседу с Богом, сама возносилась к Нему, и Ему себя открывала и исповедывала, что есть в ней и чего желательно ей. И сему надо учить душу. Укажу вам коротко, что должно делать, чтоб успеть в сей науке. И навык с благоговением, вниманием и чувством молиться по молитвенникам к сему же ведет. Ибо как из сосуда — переполненного — сама собою изливается вода; так из сердца, посредством молитвословий исполнившегося святых чувств, сама собою начнет исторгаться своя к Богу молитва. Но есть и особые, к сей исключительно цели обращенные, правила, которые и да положит себе исполнять всякий, желающий успеха в молитве. Отчего это, скажите, сколько лет иногда молятся по молитвенникам — и все еще не имеют молитвы в сердце? — Между прочим, думаю, оттого, что только в то время несколько и напрягаются возноситься к Богу, когда совершают молитвенное правило; во все же прочее время и не вспомнят о Боге. Кончат, напр., свои утренние молитвы, и думают, что в отношении к Богу все тем и исполнено; затем целый день — только дело за делом, — а к Богу и не обратятся; разве к вечеру придет на мысль, что вот опять скоро надо становится на молитву и совершать свое молитвословие. От сего бывает, что если и дает Господь какое доброе чувство утром, его заглушает суета и многодельность дня. Оттого же и вечером не бывает охоты молиться, — человек никак не совладает с собою, чтобы хоть немного умягчить свою душу, и молитва вообще худо спеется и зреет. Вот эту неправость (не всеобщую ли почти?) и надобно исправить; т.е., надо сделать так, чтоб душа не тогда только к Богу обращалась, когда стоишь на молитве; но и в продолжение всего дня, сколько можно, непрерывнее возносилась к Нему и пребывала с Ним. Для сего - Первое — надобно в продолжение дня чаще к Богу из сердца взывать краткими словами, судя по нужде души и текущим делам. Начинаешь что, — например, — говори: «благослови, Господи!» Кончаешь дело, — говори: «слава Тебе, Господи», — и не языком только, но и чувством сердца. Страсть какая подымется, — говори: «спаси, Господи, погибаю». Находит тьма помышлений смутительных, — взывай: «изведи из темницы душу мою». Предстоят неправые дела, и грех влечет к ним, — молись: «настави мя, Господи, на путь, или, не даждь во смятение ноги моя». Грехи подавляют и влекут в отчаяние, — возопи мытаревым гласом: «Боже, милостив буди мне грешному». Так и во всяком случае. — Или просто почаству говори: «Господи, помилуй»; «Владычице Богородице, помилуй мя», «Ангеле Божий, хранителю мой святой, защити меня», или другим каким словом взывай. Только сколько можно чаще делай сии воззвания, всяко стараясь, чтоб они из сердца исходили, как бы выжатые из него. Когда будем так делать, частые будут у нас совершаться умные к Богу восхождения из сердца, частые к Богу обращения, частая молитва, а это учащение сообщит навык умного с Богом собеседования. Но чтоб душа так взывать стала, надобно наперед заставить ее все обращать во славу Божию, — всякое свое дело,

большое и малое. И это есть второй способ, как научить душу чаще днем обращаться к Богу. Ибо если положим себе в закон исполнять сию заповедь Апостольскую, чтоб вся во славу Божию творить, даже «аще ямы или пиемы» ([1 Кор. 10:31](#)); то непременно, при каждом деле вспомним о Боге, и вспомним не просто, а с опасливостию, как бы не поступить в каком случае неправо и не оскорбить Бога каким-либо делом. Это и заставит со страхом к Богу обратиться и молитвенно просить помощи и вразумления. Как мы почти непрестанно что-либо делаем, то почти непрестанно будем к Богу обращаться молитвенно, и, следовательно, почти непрерывно проходить науку молитвенного в душе к Богу возношения. Но чтобы и это, т.е. делание всего во славу Божию, душа исполняла как должно, надобно настроить ее к сему с раннего утра, — с самого начала дня, прежде чем «изыдет человек на дело свое и на делание свое до вечера» ([Пс.:103, 23](#)). Настроение сие производится Богомыслием. И это есть третий способ обучения души к частому обращению к Богу. Богомыслие есть благоговейное размышление о Божественных свойствах и действиях и о том, к чему ведение их и их к нам отношение нас обязывает, — есть размышление о благодати Божией, правосудии, премудрости, всемогуществе, вездесущии, всеведении, о творении и промышлении, об устройении спасения в Господе Иисусе Христе, о благодати и слове Божиим, о св. таинствах, о Царстве Небесном. — О каком из сих предметов ни стань размышлять, размышление сие непременно исполнит душу благоговейным к Богу чувством. Стань размышлять, напр., о благодати Божией, увидишь, что ты окружен милостями Божиими и телесно, и духовно, и разве только камень будешь, чтоб не пасть пред Богом в излинии уничиженных чувств благодарения. Стань размышлять о вездесущии Божиим, — уразумеешь, что ты всюду пред Богом, и Бог пред тобою, и не можешь не исполниться благоговейным страхом. Стань размышлять о всеведении Божиим, познаешь, что ничто в тебе не сокрыто от ока Божия, и непременно положишь быть строго внимательным к движениям сердца своего и ума, чтоб не оскорбить как-нибудь всевидящего Бога. Стань рассуждать о правде Божией, — и уверишься, что ни одно худое дело не останется без наказания, и непременно положишь очистить все грехи свои сердечным пред Богом сокрушением и покаянием. Так, о каком свойстве и действии Божиим ни стань рассуждать, всякое такое размышление исполнит душу благоговейных к Богу чувств и расположений. Оно прямо к Богу устремляет все существо человека и есть потому самое прямое средство к тому, чтобы приучить душу к Богу возноситься. Самое приличное и удобное для сего время есть утро, когда душа еще не обременена множеством впечатлений и деловыми заботами, и именно, — после утренней молитвы. Кончишь молитву, сядь, и с освященною в молитве мыслию начинай размышлять ныне об одном, завтра о другом Божиим свойстве и действии и соответственное тому в душе произведи расположение. «Иди, — говорил святой Димитрий Ростовский, — иди, святое богомыслие, и погрузимся в размышление о великих делах Божиих», и проходил мыслию или дела творения и промышления, или чудеса Господа Спасителя, или Его страдания, или другое что, растрогивал тем сердце свое и начинал изливать душу свою в молитве. Так и всякий может делать. Труды немного, желание только и решимость надо; а плода много. Так вот три способа, как, кроме молитвенного правила, научить душу молитвенно к Богу возноситься, именно: посвящать утром несколько времени на богомыслие; всякое дело обращать во славу Божию, и часто обращаться к Богу краткими воззваниями. — Когда утром хорошо будет совершено богомыслие, оно оставит глубокое настроение к помышлению о Боге. Помышление о Боге заставит душу всякое действие свое и внутреннее и внешнее осторожно содевать и во славу Божию обращать. А то и другое — в такое поставят душу положение, что из нее почасту будут исторгаться молитвенные воззвания к Богу. — Эти три — богомыслие, всего во славу Божию творение и частые воззвания суть самые действительные орудия умной и сердечной молитвы. Всякое из них возносит душу к Богу. Кто положил упражняться в них, тот скоро приобретет навык восхождения полагать в сердце своем

к Богу. Труд в сем походит на восход на гору. Чем выше подыметя кто на гору, тем свободнее и легче дышит. Так и здесь, чем больше кто навькает показанным упражнениям, тем выше подымет душу, и чем выше подыметя душа, тем свободнее будет действовать в ней молитва. Душа наша по природе есть обитательница горнего мира Божественного. Там бы ей следовало быть неисходно и мыслию и сердцем; но груз земных помышлений и пристрастий влечет и тяготит ее долу. Показанные способы отрывают ее от земли мало-помалу, а там и совсем оторвут. Когда же совсем оторвут, тогда душа вступит в свою область и будет сладостно обитать горе — здесь сердечно и мысленно, после же и самым существом своим сподобится пред лицом Бога пребывать в ликах ангелов и святых. — Чего да сподобит всех вас Господь благодатию Своею. Аминь. 22 ноября 1864 г.

Объяснил я вам коротко два вида или две степени молитвы, именно: молитву читательную, когда молимся Богу чужими молитвами, и молитву свою мысленную, когда умно возносимся к Богу чрез богомыслие, посвящение всего Богу и частые воззвания к Нему из сердца. Но это еще не все. — Есть третий вид, или степень молитвы, который и составляет настоящую молитву, и к которому два первые служат только приготовлением. Именно: непрестанное обращение ума и сердца к Богу, сопровождаемое внутреннею теплотою или горением духа. Это — предел, до которого должна дойти молитва, и цель, которую должен иметь в виду всякий молитвенный труженик, чтобы не бесполезно трудиться в деле молитвы. Припомните, как говорится о молитве в слове Божиим, «Бдите и молитесь», — говорит Господь ([Матф. 26:41](#)). «Трезвитесь и бодрствуйте», — учит апостол Петр ([1 Петр. 5:8](#)). «В молитве терпите, бодрствующе в ней» ([Кол. 4:2](#)); «непрестанно молитесь» ([1 Сол. 5:17](#)); «всякою молитвою и молением молитесь на всяко время духом» ([Еф. 6:18](#)), — заповедует апостол Павел, объясняя в других местах и причину, почему так бывает и так должно быть, — потому, говорит, что «живот наш сокровен есть со Христом в Бозе» ([Кол. 3:3](#)), и что «Дух Божий живет в нас» ([1 Кор. 3:16](#)), — «о Нем же вопием: Авва Отче» ([Рим. 8:15](#)). — Из сих указаний и заповедей не можете не видеть, что молитва не есть какое-либо однократное, прерывчатое действие, а есть состояние духа, постоянное и непрерывное, подобно тому, как постоянны и непрерывны в теле дыхание и биение сердца. Поясню вам сие примером. Стоит солнце посреди, а вокруг него ходят все планеты наши, все тяготеют к нему и все непрестанно обращены к нему какою-либо стороною. Но что солнце в мире вещественном, то в мире духовном Бог — умное солнце. Перенеситесь мыслию на небо, что узрите там? Ангелов, кои, по слову Господа, выну видят лице Отца своего небесного. Все бесплотные духи и все святые на небе к Богу обращены, на Него устремляют умные очи свои и оторвать их от Него не хотят, по причине неизреченного блаженства, источаемого сим лицезрением Божиим. Но что Ангелы и святые делают на небе, то нам надлежит приучаться делать на земле, навязать ангелоподобному непрестанному молитвенному предстоянию Богу в сердце своем. Кто сего достигнет, тот только соделается настоящим молитвенником. Как же сподобиться такого великого блага?! Отвечу на это коротко так: надо трудиться в молитве неутомимо, ревниво, уповательно, домогаясь достигнуть, как обетованной земли, горения духа при трезвенном внимании к Богу. Трудись в молитве и — молясь о всем, паче молись о сем пределе молитвы — горении духа, — и верно получишь искомое. Так удостоверяет св. Макарий Египетский, делом понесший труд и вкусивший плода молитвы. «Если, говорит он, не имеешь молитвы, трудись в молитве, и Господь, видя труд твой и по труду терпеливому в ней, как усердно желаешь ты сего блага, подаст тебе сию молитву» (Бесед. 19). Труд только до сего предела. Когда же возгорится огонь, — о коем говорит Господь: «огня приидох воврещи на землю, и как бы Я хотел, чтоб он: скорее возгорелся» ([Лук. 12:49](#)), — тогда прекращается труд, начинается легкое, свободное, отраду разливающие молитвование. Не подумайте, что тут разумеется какое-либо очень высокое, недостижимое для житейских людей состояние. Нет. Оно точно есть высокое состояние, но достижимо для всех. Ведь и всякий иногда чувствует во время молитвы прилив теплоты и усердия, когда душа, от всего отрешась, глубоко входит в себя и горячо молится Богу. Вот это, по временам бывающее, как бы наитие духа молитвенного, надо довести до постоянного состояния, — и будет достигнут предел молитвы. Средство к сему, как сказал я, труд молитвенный. Когда трут дерево о дерево, оно согревается и дает огонь. Так, когда и душу тереть в труде молитвенном, она дает наконец огонь молитвенный. Труд молитвенный составляет должное совершение тех двух видов молитвы, о

коих я говорил уже, именно — благоговейное со вниманием и чувством совершение обычных наших молитвословий и потом обучение души часто возноситься к Богу чрез богомыслие, обращение всего во славу Божию и частые взывания к Богу из сердца. Молимся мы утром и вечером: расстояние большое. Если в это только время обращаться к Богу, то, хоть и усердно кто молится, днем или ночью все опять рассеется, и к молитвенному времени душа опять станет холодна и пуста, как прежде. Пусть и опять усердно помолишься, но если опять охладеешь и рассеешься, что пользы?! Это будет значить — созидать да разорять, созидать да разорять; только труд. Если теперь положим себе не только утром и вечером правило молитвенное совершать со вниманием и чувством, но и кроме этого еще упражняться каждый день в богомыслии, каждое дело свое во славу Божию обращать и часто взывать к Богу из сердца краткими молитвенными словами; то этот долгий промежуток от утренней до вечерней молитвы, и обратно, мы наполним частыми к Богу обращениями, чистыми молитвенными действиями. Хоть это не будет непрестанная молитва, но молитва очень часто повторяемая, которая чем чаще будет повторяться, тем ближе будет подходить к непрестанной. Всяко этот труд стоит на переходе к сей последней, как необходимая ступень. Ибо положим, что вы исполняете сей труд каждый день, неопустительно, неутомимо, — смотрите, что должно произойти в душе вашей? Из богомыслия родится страх Божий. Ибо страх Божий есть сам по себе постижение благоговейною мыслию и восприятие чувством бесконечных Божиих совершенств и действий. Из обращения всякого дела нашего во славу Божию родится памятование о Боге, или хождение пред Богом; ибо хождение пред Богом есть: что бы ты ни делал, помни, что ты пред Богом. Наконец, из частых воззваний к Богу, или иначе из частых исторжений из сердца благоговейных к Богу чувств, родится постоянное теплое или любительное призывание имени Божия. Когда посетят душу сии три: страх Божий, память Божия, или хождение пред Богом, и это любительное обращение сердца к Богу, или любительное лелеяние сладчайшего имени Господа в сердце; — тогда непременно возгорится в сердце и тот огонь духовный, о коем говорил я сначала, и принесет собою глубокий мир, непрестанное трезвение, живодейственное бодрствование. Человек вступит тогда в то состояние, выше которого ему на земле и желать не нужно и которое есть истинное предначатие блаженного состояния, ожидающего всех в будущем. Тут делом исполняется то, что говорил Апостол: «живот наш сокровен есть со Христом в Бозе» ([Кол. 3:3](#)). Сих трех и добивайтесь в молитвенном труде вашем. Они — сами награда труда и вместе ключ от сокровенного храма Царствия Небесного. Отворивши ими дверь, входят внутрь, приводятся к подножию престола Божия и от Отца небесного сподобляются одобрительного слова, прикосновения и объятия, ради коего вся кости рекут: Господи — Господи! Кто подобен Тебе? О сем-то и молись в молитвенном труде и въздыхай каждый: когда прииду и явлюся лицу Твоему, Господи? Взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, възыщу. Желаящему знать, как усовершиться в сих трех: страхе Божиим, памяти Божией и сем любительном непрестанном призывании имени Божия — коротко отвечу: начни искать, — и само дело научит, как найти; держись только одного закона: все то отстранять, что мешает им, тому всему усердно прилежать, что благоприятно им. И сему различению дело научит. Приложу только к сему указанию следующее: Когда начнете вы в сердце своем себя так иметь, как имеет себя тело, со всех сторон обнимаемое теплотою, или когда начнете себя держать так, как кто держит себя пред большим лицом, со страхом и вниманием, как бы не оскорбить его чем, несмотря на позволение ходить и действовать свободно, или увидите, что в душе вашей начинает то же бывать к Господу, что бывает у невесты к возлюбленному жениху; тогда ведайте, что близ есть, при дверех сокровенный Посетитель душ наших, и внидет и возвечеряет в вас с вами. И сих немногих признаков, думаю, достаточно в руководство для ревностных искателей. Все же сие сказано только с тою целью, чтоб те из вас, кои усердствуют в молитве,

знали последний предел молитвы и, мало потрудившись и малого достигнув, не подумали, что всего достигли, — не ослабли от того в труде, и тем не положили преграды дальнейшим восхождениям по степеням молитвы. Как по большим дорогам ставят столбы, чтоб идущие и едущие знали, сколько прошли и проехали, и сколько еще остается; так в духовной нашей жизни есть своего рода указания, определяющие степень совершенства жизни, кои и обозначаются затем, чтоб ревнующие о совершенстве, зная, докуда дошли и сколько остается пройти, не останавливались на полдороге и тем не лишали себя плода трудов, который, может быть, тут и есть, сделай только два или три поворота. Заклучу слово мое усердною молитвою, да дарует вам Господь разум о всем, да все достигнете в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова. Аминь. 29 ноября 1864 г.

Раза три говорил я вам о молитве: и той, когда читают молитвы со вниманием, и той, когда сами возносятся к Богу умом и сердцем, и той, когда непрестанно в горении духа предстоят Богу. Разные степени и роды молитвы Господь указал нам, чтоб всякий, по мере сил своих, мог быть участником в благе молитвенном. Ибо дело молитвы есть великое дело. Оно, как говорил я, есть и свидетельство жизни духовной, и вместе пища ее. Почему и заботиться о совершенстве в ней надобно больше всего. Как успеть в каком роде молитвы, я отчасти поминал вам. Ныне хочу напомнить, в предостережение, что трудно, да и едва ли возможно успеть в молитве, если в то же время не будем заботиться о других добродетелях. Если уподобим молитву ароматному составу, а душу сосуду для него; то вразумляемся, что как в дырявом сосуде не удержится аромат, так и в душе, чрез недостаток какой-либо добродетели делающейся не целою, не постоит молитва. Если уподобим молящегося целому составу тела, то следующий найдем урок, — что как безногому, напр., идти нельзя, хоть все прочее в нем здорово, так не возможен приступ к Богу, или дойти до Бога в молитве, не имеющий деятельных добродетелей. Вникните в наставления Апостольские, — и увидите, что молитва у них никогда не стоит одна, а всегда с целым сонмом добродетелей. Вот, апостол Павел снаряжает христианина к духовной брани и облакает его во вся оружия Божия. Смотрите — какие это? Одеяние чресл — истина, броня — правда, обувь — благовестие мира, щит — вера, шлем — упование, меч — глагол Божий. Вот орудия! И после уже всех их, как в крепость какую, посаждает он своего воина — в молитву, говоря: «всякою молитвою и молением молящегося на всяко время духом» ([Ефес. 6:18](#)). И одною конечно молитвою можно одолеть всех врагов, но чтоб сильну быть в молитве, надо преуспеть в вере, уповании, ведении истины, в правде и во всем прочем. В другом месте тот же Апостол, как невесту Христову, брачными украшая душу одеждами, говорит: «облецытесь... во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, прощение обид, любовь, ...мир, умудрение словом Божиим». И потом, как венец доброты, возлагает на главу — молитву: «вразумляюще себе... во псалмах и пениях и песнях духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеви» ([Кол. 3:12—16](#)). И в других многих местах слова Божия молитва поставляется в неотлучном союзе со всеми добродетелями, как царица их, вслед которой они все устремляются и которая все их влечет вслед себя, или еще лучше, — как благоуханный цвет их. Как цветку, чтоб явиться и привлечь взоры, надо быть предшествующему листьями, стволом с ветвями и корнем; так и молитве, чтоб она, как цвет, расцвела в душе, должны предшествовать и ей сопутствовать добрые духовные расположения и труды, кои в отношении к ней суть: то — как корень, какова вера, то — как ствол с ветвями, какова многодеятельная любовь, то — как листья, каковы все подвиги духовно-телесные. Когда насаждено в душе такое святое древо, тогда на нем, то утром, то вечером, то в продолжение дня, судя по свойству его, будет свободно распускаться цвет молитвы и исполнять благоуханием всю внутреннюю храмину нашу. Все сие привожу я вам на память, чтоб кто из вас не подумал, что-де тружусь я в молитве, и довольно. Нет, — надо о всем вместе иметь заботу и ревность, — и молиться, и во всякой добродетели преуспевать. Правда, что успеть в добродетелях нельзя без молитвы; но трудиться в доброделании все же надобно и при молитве, чтоб молитве было в чем оказать нам свое содействие. И о том, чтоб успеть в молитве, надобно молиться; но труд молитвенный должен же быть употреблен, как там — труд доброделания. О всем надо иметь попечение, и во всем являть себя исправными. Ведь тут то же бывает, что в часах. Когда идут часы исправно и верно указывают время? Когда в них всякое колесцо и всякая другая часть цела и стоит на своем месте и в своей связи. Так и во внутреннем, душевном нашем механизме: устремление духа, как

стрелка, бывает верно, т.е., прямо обращено к Богу, когда все другие части души целы и в своем стоят чине, в свою, так сказать, обделаны добродетель. Какими именно добродетелями окружить надо молитву, или какую именно молитвенно-добродетельную жизнь должен учредить у себя христианин, укажу вам не своим словом, а словом святителя Димитрия Ростовского, который кратко изображает сие в следующем наставлении («Богодухновенное наставление христианское». Часть 1, стр. 288). Прошу вникнуть! 1) От сна воставшу ти, первая мысль буди о Боге, первое слово и молитва к Богу, Создателю твоему и Содержателю живота твоего, могущему всегда мертвити и живити, поразити и исцелити, спасти и погубити. 2) Поклонися и воздаждь благодарение Богу, воздвигшему тя от сна, и не погубившему со беззаконии твоими, но долготерпеливо ожидающему твоего обращения. 3) Положи начало к лучшему, глаголя со Псаломником: «рех, ныне начах» ([Пс. 76:11](#)) и проч. Путь бо к небеси никтоже добре совершает, разве кто на всякий день добре начинает. 4) С утра буди в молитве Серафим, в делах Херувим, в обхождении Ангел. 5) Времени отнюдь вотще не изнурай, кроме нужных исправлений. 6) Во всех делах и словах и в помышлениях ум имей в Боге; не напишуй в уме что ино, кроме Христа, никакой образ да не прикоснется сердца чиста, разве образ чист Христа Бога и Спаса. 7) К любви Божией себя возбуждай всячески, елико можеша, наипаче сие разсуждение со Псаломником в себе глаголя: «в поучении моем возгорится огонь» ([Пс. 38:4](#)). 8) Егоже изволяеши непрестанно любить Бога, на Того присутствие всегда внутренними очами да взираеши, и сего ради от всякого злого дела и слова и помышления престани. Почему вся честно, смиренно и с сыновнею боязнию твори, глаголи и помышляй. 9) Кротость с похвалою и смирение с честностию купно буди. 10) Слово тихо, смиренно, честно и полезно буди: молчаливость же да разсуждает словеса, яже имаши глаголати. А праздное и гнилое слово отнюдь да не исходит из уст твоих. 11) Смех аще случится, до ослабления (улыбки) только буди и то не часто. 12) Ярости и запальчивости и свара блюди: в гневе же умеренно имей себя. 13) В ядении и питии воздержание да хранится всегда. 14) Во всякой вещи снисходливый буди, и Бог тя ублажит, такожде и люди похвалят. 15) Смерть всему конец, о которой всегда молиться должно. Видите, какое благолепное указывается житие христианину-молитвеннику. Правда, что тут больше говорится о молитве, т.е. об умном и сердечном к Богу обращении, но тут же означены и разные добродетели, — и все оне таковы, что без них и молитве нельзя состояться: что всякий сам испытает и узнает на деле, — стань только в молитве упражняться, как следует. Как станешь молиться, когда обременен невоздержанием, или возмущен гневом и досадою, или в не мире с кем стоишь, или развлечен заботами и рассеянностью и проч.? А если этого не иметь, то надо иметь противное, т.е. добродетели. Почему св. Иоанн Лествичник говорит о молитве, что она есть мать и дочь добродетелей. Слыша сие, подумает иной: «какие большие требования! Какое бремя тяжелое и грузное! Где нам на это взять и сил и времени»? Но воодушевитесь, братие! Совсем немного надобно, а надо возыметь только одно: ревность о Боге и спасении в Нем души своей. Душа по природе имеет много доброго, только оно заброшено всякою худобою. Как только возродится в душе ревность о спасении и Богоугождении, тотчас все ее добро соберется около сей ревности, и в душе сразу явится немало добра. Потом ревность, благодатию Божиею укрепляемая, при помощи сего начального добра, начнет приобретать и всякое другое, и обогащаться им, — и все начнет расти постепенно. Сама ревность имеет уже и зародыш молитвы. Естественною добротою она попытается на первый раз, а потом начнет питаться приобретаемою трудом добротою, и расти и крепнуть, и возрастет и начнет петь и воспевать Богу в сердце благогласную и многосоставную песнь молитвенную. Господь да поможет вам успеть в этом. Аминь. 20 декабря 1864 г.